

Готовясь к беседе с известным ученым-пушкинистом В. Непомнящим, я рад был освежить в памяти и некоторые стихи Александра Сергеевича, и факты его биографии. У П. Анненкова засвидетельствовано: "В конце своей жизни Пушкин был проникнут весьма живым и теплым религиозным чувством". П. Вяземский — о кончине Пушкина: "Пришел священник, исповедовал и причастил его. Священник говорил мне после со слезами о нем и о благочестии, с коим он исполнил долг христианский... Он имел сильное религиозное чувство, читал и любил читать Евангелие, был проникнут красотой многих молитв, знал их наизусть и часто твердил их..."

И вот мой первый вопрос хозяину домашнего кабинета, где тесно от книг, а на почетном месте — портрет великого поэта:

— Валентин Семенович, на недавней Богословской конференции, организованной Свято-Тихоновским православным богословским институтом, вы сделали научное сообщение на тему "Христианство Пушкина: легенды и реальность". Слушали вас с большим интересом. Значит, этот вроде бы частный вопрос по-прежнему злободневен?

— Прежде всего эта проблема обширна и чрезвычайно важна. Говорю об этом и потому, что я пушкинист, и потому, что много об этом думал. Вопрос о христианстве Пушкина сохраняет актуальность потому, что Пушкин есть центральная фигура русской культуры — я имею в виду мирскую культуру. И я возьму на себя смелость сказать: несмотря на то, что наше пушкиноведение накопило гигантский объем знаний о поэте, оно все равно по нынешний день не смогло выработать целостного представления о Пушкине как о феномене православной христианской культуры.

— Видимо, это связано с какими-то причинами?

— На мой взгляд, одна из главных ошибок исследователей коренится в том, что многие из них склонны подменять вопрос об объективном религиозном смысле творчества поэта и о его вкладе в православную культуру вопросом о его личном поведении, личной вере. У кого Пушкин "невер", у кого — "маловер", у кого — "верил, но не очень"... И это в то время, как личная вера любого христианина — даже находящая свое выражение в строгих видимых формах (посещение храма, исповедь, причастие) — все равно "тайна, которая велика есть". В этой тонкой сфере поистине "не судите да не судимы будете".

Не менее ошибочен такой подход к оценке "христианского" в творчестве Пушкина, из которого следует, будто его искусство нужно считать случаем некоего "особого" пути к Богу, примером того, что к христианской вере можно, мол, прийти и вне Церкви. Есть и прямо противоположный взгляд, выражающий, как я это называю, "православный снобизм" по отношению к светскому искусству: дескать, Пушкин — это гениальное, но нерадивое дитя, и не следует уделять ему чрезмерное внимание. А лучше, мол, читать Державина, Сумарокова — в их стихах часто упоминается Бог, излагаются церковные догматы — вот там с христианством все в порядке...

Поскольку же сердце наше ни с одной из названных позиций согласиться не может — ведь

выглядят так: "...Дабы скорей войти (!), оставя те места. Спасения путем в таинственны врата" (!) Поистине, хоть плачь, хоть смейся!

Гуляет по свету стихотворение "Я слышал, в келии простой". Это — переложение Господней молитвы "Отче наш", которое и раньше, и теперь кое-кем приписывается Пушкину. Между тем это настолько беспомощное стихотворение, что такое предположение представляется абсурдным. Да и зачем было Пушкину перелагать на стихи молитву Господню, в которой и так все понятно?

Есть еще ряд легенд, которые в основном крутятся вокруг цен-

история, подтверждающая, что вера каждого из нас есть не застывшее состояние, а путь. И христианская вера нашего поэта — тоже путь, противоречивый, подчас тяжкий. Важнейшая веха на этом пути — стихотворение "Пророк", написанное в 1826 году. Вспомним: "...И Бога глас ко мне воззвал: "Встань пророк, и виждь, и внемли, исполни волею моею, И, обходя моря и земли, Глаголом жги сердца людей!"

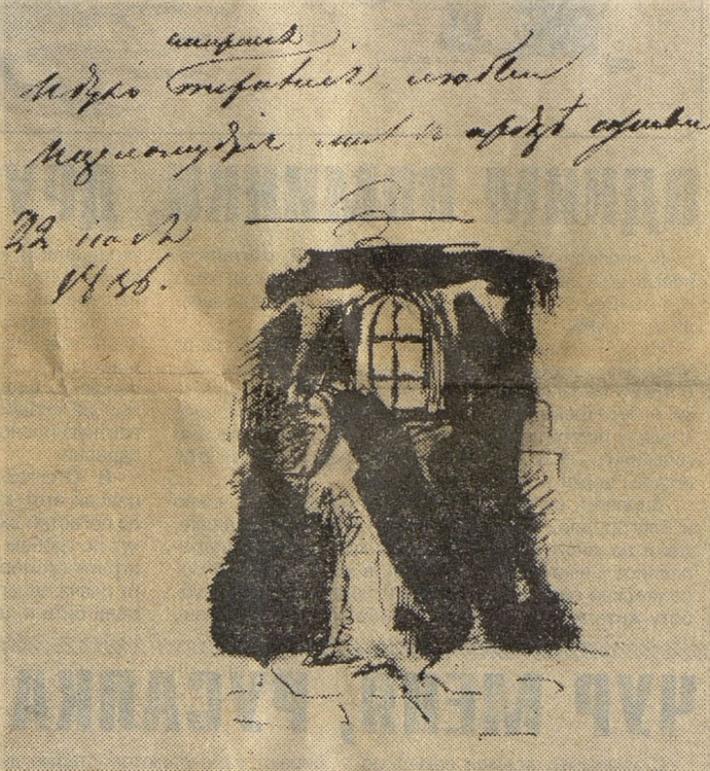
И вот что надо подчеркнуть: как только Пушкин создал "Пророка", он сразу попал в крайне трудное положение. Потому что он сам даже сначала не вполне понял, что он написал. Лишь по-

но и глубоко изобразил картину мира, лежащего во зле. Но если раньше поэт ощущал себя в этом мире лицом "страдательным", то в "Анчаре" он говорит об ответственности каждого человека — стало быть, и своей — за мировое зло. Ибо тот, кто видит в Божией воле "враждебную власть", — умножает зло мира.

...Теперь вернемся к диалогу Пушкина со святителем Филаретом. После опубликования стихотворения "Дар напрасный, дар случайный" Пушкину был передан стихотворный ответ митрополита Московского. В нем святитель-прозорливец не поучал, не упрекал, а, понамеру страданий поэта, мягко, но

ПУТЬ СПАСЕНИЯ

ХРИСТИАНСТВО ПУШКИНА: ЛЕГЕНДЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Монах в келье.

Рисунок Александра ПУШКИНА, 1836 г.

Пушкин вошел в нашу плоть и кровь! — постольку в связи с проблемой "христианство Пушкина" и возникают самые невероятные легенды. Так, в недавние безбожные советские времена в ходу были выдумки о Пушкине-атеисте, усиленно внедрявшиеся в сознание людей. Зато сейчас наблюдается другая крайность — начинают культивироваться легенды о "Пушкине в клобуке" (вы знаете — это монашеский головной убор). Будто наш поэт был уж такой благочестивый, уж такой православный — с младых ногтей!.. Вот только бы малость подправить кое-где его стихи — и все было бы замечательно!

— **Находятся такие, что дерзают и "подправлять"?**

— Недавно в одной лавке я полистал книжку духовных стихов русских поэтов, составленную неким церковнослужителем. Есть в сборнике и стихотворение "Странник" Пушкина, которое, напомним, заканчивается так: "...Иные уж за мной гнались; но я тем боле Спешил перебежать городовое поле, Дабы скорей узреть — оставя те места — Спасенья верный путь и тесные врата". В упомянутом же сборнике эта строфа "церковно усилена" и последние две строки

трального для этой темы момента — заочного диалога Пушкина со святителем Филаретом. Чего только здесь не напридумано! Будто поэт, услышав в 1830 году проповедь митрополита, пришел домой, потребовал у жены перо и чернила и, рыдая, сочинил "покаянное" стихотворение "В часы забав и праздной скуки", тогда как в то время Пушкин даже помолвлен не был...

Последняя строфа этого стихотворения у Пушкина выглядит так: "Твоим огнем душа палима, Отвергла мрак земных сует, И внемлет арфе серафима В священном ужасе поэт". Но еще с прошлого века существует "мнение", что в черновом варианте последняя строфа выглядела так: "Твоим огнем душа согрета Отвергла мрак земных сует, И внемлет арфе Филарета В священном ужасе поэт".

Смешно и нелепо. Вы можете представить себе Филарета, бряцающего на арфе? Все эти благостные легенды не имеют ничего общего с действительностью.

— **А что же тогда произошло в реальности?**

— На самом деле за поэтическим диалогом Пушкина со святителем Филаретом кроется драматическая и прекрасная

степенно он стал осознавать, какая великая ноша на него, как на поэта, возложена, и насколько он этой миссии не соответствует, потому что жить он продолжал точно так же, как и до написания "Пророка". Это с неизбежностью привело поэта к глубокому духовному кризису. И 19 мая 1828 года Пушкин пишет "Воспоминание" ("И, с отвращением читая жизнь мою, Я трепещу и проклинаю..."), а ровно через неделю, в день своего рождения, — стихотворение "Дар напрасный, дар случайный". Последнее — это как бы "Пророк", перевернутый с ног на голову. Если в "Пророке" — "И Бога глас ко мне воззвал", то в "Даре..." — "Кто меня враждебной властью Из ничтожества воззвал"; если в "Пророке" — "Духовной жаждою томим", то в "Даре..." — "И томит меня тоскою Однозвучный жизни шум"; если в "Пророке" о сердце человеческого говорилось, что это "угль, пылающий огнем", то в "Даре..." читаем: "Сердце пусто, празден ум..."

И вот сейчас я впервые скажу вот о чем. Как только Александр Сергеевич написал стихотворение "Дар напрасный, дар случайный" и положил его в стол (опубликовано оно будет лишь через полтора года), — не замедлило произойти то, что может служить примером Божиего промысла и Божиего смотра. А именно: очень скоро после написания "Дара..." всплыло дело об авторстве неизвестной "Гавриилиады", написанной Пушкиным семью годами раньше и с тех пор остававшейся анонимным произведением (он сочинил эту поэму будучи мечущимся молодым человеком, который и сам еще не понимал, как мается без веры его неприкаянная душа).

Итак, "Гавриилиада", как поэт сам констатировал, "дошла до правительства". И Пушкину пришлось письменно лгать, отрекаясь от своего авторства. Надо ли говорить, каким позором это было для поэта, для его совести. Завершилось тем, что он послал государю письмо, в котором признался в авторстве и раскаялся. Резолюция Николая I была замечательна: "Мне это дело известно и совершенно кончено".

Итогом мучительного кризиса, перенесенного поэтом, стало стихотворение "Анчар", в котором Пушкин по-христиански точ-

внятно объявил автору стихотворения, что причиной этих страданий является он сам, и никто другой.

Правда, к этому времени Пушкин и сам понял, что с ним произошло, уже пережил свой духовный кризис, уже написал "Анчар", но все-таки святитель Филарет, в свою очередь, помог поэту утвердиться в понимании своей прежней вины и недостойности. И в ответном поэтическом обращении к Филарету (стихотворение "В часы забав иль праздной скуки") Пушкин искренне говорит: "И ныне с высоты духовной Мне руку простираешь ты, И силой кроткой и любовной Смиряешь буйные мечты..."

— **К какому же выводу, Валентин Семенович, вы приходите, размышляя над драматическими "поворотами" духовных исканий поэта?**

— Думаю, что период от "Пророка" до "Анчара", кризис, разрешившийся диалогом поэта со святителем Филаретом, сыграли решающую роль в формировании пушкинской картины мира как картины христианской. Не случайно автор "Гавриилиады" заканчивал свой творческий путь такими стихами, как "Странник", "Отцы пустынноики и жены непорочны" и др., пронизанными евангельским духом. Религиозный путь Пушкина — путь честного духовного труда. Именно поэтому мы можем говорить о нем как о подлинном основателе русской мирской культуры как культуры православного народа. Но это уже отдельная тема.

Возвращаясь же к легендам о "христианстве Пушкина", хочется подчеркнуть, что истинно религиозный и истинно православный подход к явлению — в нашем случае к Пушкину — должен заключаться в том, чтобы воспринимать его целостно, во всех его чертах и сторонах. Надо любить Пушкина и верить в него такого, какой он есть. Тем более что настоящая Божия правда не позволяет нам обожествлять смертного и грешного, как и все мы, человека, пусть даже и одаренного божественным гением, а побуждает нас, по слову святого праведного Иоанна Кронштадтского, "восходить тотчас мысленно к высшей личной красоте Божией и ею восхищаться".

Беседу вел
Александр КОРОЛЕВ.
МОСКВА.